

Н. В. Александрова, М. А. Русанов

К ПОЭТИКЕ МАХАЯНСКОЙ СУТРЫ (ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ГЛАВЫ ВАЙПУЛЬЯ-СУТР)

Жанр сутры (*sūtra*, пали *sutta*) существовал и развивался на протяжении всей истории буддизма. Этот жанр изначально был главным средством для изложения учения Будды, и в дальнейшем все возникавшие направления и школы этой религии создавали новые сутры или переделывали старые, порой стараясь вложить в освященную традицией форму содержание, крайне далекое от идей раннего буддизма. Жанровый канон претерпевал неизбежные изменения, отражая эволюцию религиозной доктрины, эстетических представлений и мифологической картины мира. Многочисленные махаянские сутры дают выразительные примеры подобных перемен, позволяя увидеть, как новое мировоззрение постепенно ведет к выработке новой поэтики.

Эта работа базируется на материале так называемых «вайпулья-сутр». Существительное *vaipulya* означает «огромность», «пространность». И девять сутр, имеющих это наименование, «огромны» как по объему (девять томов), так и по значению, которое им придает традиция. Подобно большинству буддийских книг на санскрите, эти сутры попали в руки европейских ученых из монастырей Непала, где они были не только авторитетными текстами, но и объектами религиозного поклонения. Существовало представление, что вайпулья-сутры, именуемые также «девять дхарм», излагают разные аспекты буддийского учения, а вместе представляют его во всей полноте [Hodgson 1874: 13]. Нет сомнений в том, что объединение этих памятников в одно собрание — явление достаточно позднее, имевшее место на территории Непала (данные сутры хорошо известны в Китае и Тибете, но там они не группировались в отдельный канон). Идея об их смысловом единстве также порождена местной непальской традицией.

Все эти тексты сформировались в Индии и принадлежали разным направлениям буддизма. Точных датировок их создания нет, но есть основания полагать, что большая их часть написана в первые

века нашей эры. Исключение составляют лишь две сутры — «Аштасahasрикапраджняпарамита» и «Татхагатагухьяка» — первая может претендовать на наибольшую древность, а вторая, несомненно, принадлежит к более позднему времени. Кроме того, каждая из вайпулья-сутр имеет сложную историю формирования. Санскритские тексты, доступные нам, представляют собой достаточно поздние редакции, со следами многочисленных переделок, интерполяций и привнесения новых толкований. Не все эти сутры изначально принадлежали махаяне, некоторые были созданы в школах раннего буддизма и лишь затем переработаны в духе новой доктрины. Именно поэтому для историка буддизма так важны китайские переводы сутр. Они, как правило, имеют точную датировку и позволяют получить представление о ранних редакциях памятников махаянской литературы, а также доказательно реконструировать процесс формирования текстов, известных нам по санскритским версиям.

В работе анализируются только вступительные главы вайпулья-сутр. Содержание каждой из этих сутр может служить темой отдельного исследования и здесь рассматриваться не будет. Поэтому сейчас мы ограничимся лишь их перечнем с самыми краткими характеристиками.

«Праджняпарамитасутра» (Prajñāpāramitā «Совершенство мудрости») — важнейший памятник буддизма махаяны, породивший целую литературу. Эта сутра существует в виде четырех вариантов, различающихся по количеству строк (она написана прозой, и строкой считается объем текста в 32 слога): Aṣṭasāhasrikā Prajñāpāramitā (Восьмитысячная Праджняпарамита), Aṣṭadaśasāhasrikā Prajñāpāramitā (Восемнадцатитысячная Праджняпарамита), Pañcaviṃśatisāhasrikā Prajñāpāramitā (Двадцатипятитысячная Праджняпарамита), śatasāhasrikā Prajñāpāramitā (Сотысячная Праджняпарамита). Однако в действительности имеет смысл говорить о двух вариантах сутры — «Восьмитысячной», с одной стороны, и всех остальных — с другой. Дело в том, что различия трех версий создаются лишь количеством повторов, возрастающим от одной редакции к другой. Поэтому далее мы будем говорить о «Малой Праджняпарамите» и «Большой Праджняпарамите».

По общему мнению буддологов, краткий вариант сутры является более ранним, а большой представляет собой позднейшую перера-

ботку. В тибетских источниках есть сообщения о том, что у маха-сангхиков имелась «Праджняпарамита» на пракрите, что позволяет отнести первоначальную редакцию этого памятника к I в. до н. э. [Conze 1978: 1; Nakamura 1987: 159]. Сутра построена как диалог о доктринальных вопросах, в котором участвуют Будда, произносящий проповедь, и два слушателя, задающих вопросы, — Шарипутра, представитель старой абхидхармы, оказывающийся неспособным воспринять высшее учение, и Субхути, выступающий как адепт махаяны и постоянно демонстрирующий превосходство в постижении истины.

«Ланкаватарасутра» (Laṅkāvatārasūtra «Сутра о схождении на Ланку») — еще один философский диалог. Будда проповедует, отвечая на вопросы бодхисаттвы Махамати. Он излагает учение о том, что все существующее есть «только видимое проявление собственного сознания» (svacittadṛṣyamātra). Высказывалось мнение о принадлежности этого памятника к школе йогачаров, однако теперь это предположение поставлено под сомнение (см.: [Forsten 2004: 19–20]).

«Суварнапрабхасасутра» (Suvarṇaprabhāsaśūtra «Сутра золотого блеска») отличается по содержанию от двух предыдущих сутр. В ней не идет речь о философских проблемах буддийской доктрины. Это произведение скорее мифологического характера. Значительную его часть занимают речи богов, в присутствии Будды обещающих защиту и покровительство всем адептам истинного учения и сообщающих магические мантры, которые обеспечат успех всем начинаниям.

«Лалитавистара» (Lalitavistara «Изящный пространный рассказ») представляет собой жизнеописание Будды от схождения с неба Тушита до просветления. Жизнь Гаутамы рассказывается им самим в виде проповеди, сочетающей стихотворные и прозаические части.

«Саддхармапундарикасутра» (Saddharmapuṇḍarīka «Лотос благой дхармы») — единственная вайпулья-сутра, переведенная на русский язык (с китайского перевода Кумарадживы, см.: [Игнатович 2007]). В этом весьма пестром по содержанию памятнике проповеди чередуются с многочисленными притчами, а также рассказами о буддах, бодхисаттвах и совершаемых ими чудесах.

«Самадхираджасутра» (Samādhirājasūtra «Сутра о царе медитаций») — произведение, в котором преобладает стихотворный текст.

Будда рассказывает бодхисаттве Чандрапрабхе о различных медитациях, иллюстрируя проповедь историями о достигнутых с их помощью результатах. При этом он вводит понятие «царя медитаций», т.е. высшей формы медитации, которая соединяет в себе достоинства всех остальных [Régamey 1990: 21–26].

«Дашабхумикасутра» (Daśabhūmikasūtra «Сутра десяти ступеней») содержит разъяснение «десяти ступеней» совершенствования бодхисаттвы. Проповедь произносит не Будда, а бодхисаттва Ваджрагарбха.

«Гандавьюха» (Gaṇḍavyūha, перевод названия затруднителен) по своему содержанию отличается от остальных вайпулья-сутр. Этот памятник, рассматриваемый некоторыми буддологами как «литературный шедевр» и «религиозный роман» [Warder 2004: 402], представляет собой рассказ о путешествии Судханы, сына богатого купца. По совету Манджушри Судхана, задавшийся целью выяснить, в чем состоит правильное поведение бодхисаттвы, отправляется в путь в поисках «благих друзей» (kaḷyāṇamitra), каждый из которых способен сообщить ему лишь часть истины. В ходе своих странствий он встречает 52 человека (из них 20 женщин), принадлежащих к разным социальным слоям. Современный интерес к этому памятнику во многом связан с тем, что в нем усматривают элементы «прототантры», т.е. черты, предвосхищающие будущее развитие буддизма [Osto 2009].

«Татхагатагухьяка» (Tathāgataguhyaka «Тайна татхагат», другое название — Guhyasamājatantra) — старейшая сутра тантрического буддизма. Основной текст памятника можно рассматривать как собрание тантрической поэзии. Его датировка вызывает значительные разногласия и колеблется от IV до VIII в. [Wayman 2005: 13–19]. Для нас здесь важно лишь то, что эта сутра несомненно является наиболее поздней из включенных в собрание вайпулья-сутр и относится уже к другому, тантрическому этапу развития буддизма.

Мы не можем выстроить хронологию создания вайпулья-сутр. Китайские переводы с их датировками весьма полезны, но они дают лишь верхнюю границу возможного времени создания памятника. В настоящей работе вступительные главы будут рассматриваться в последовательности, определяемой типологическим принципом, т.е. будут разделены на несколько групп, отражающих, как мы

предполагаем, определенные этапы формирования вступительных глав: от сутр, где таких глав еще нет и их содержание только намечается, до памятников, в которых уже сложившиеся рамочные сюжеты подвергаются дальнейшему переосмыслению. Наиболее ранние образцы сутр представлены в Сутта-питаке палийского канона. При этом, даже рассматривая только палийские сутты, исследователь, пытающийся четко определить требования жанрового канона, сталкивается с существенными трудностями, поскольку данные тексты демонстрируют значительное разнообразие. Они могли создаваться в стихах, в прозе или же сочетать стихотворные и прозаические части. Их объем мог варьироваться от нескольких десятков строк до сотни страниц. Элементы их внутренней структуры также изменчивы. Однако некоторое — пусть несколько упрощенное — описание закономерностей, присущих наиболее типичным образцам жанра, дать все же возможно.

Сутра представляет собой проповедь Будды, заключенную в сюжетную рамку. «Средняя сутта» Типитаки имеет следующую структуру: указание местонахождения Будды, рассказ о его встрече с будущим собеседником, диалог, проповедь, упоминание о результате проповеди. Любой из этих компонентов может отсутствовать. Так, в «Суттанипате» есть сутты, в которых не указаны ни место, ни тот, кому адресована проповедь. В «Мадджхиманикае» имеются как сутты без диалога, так и те, в которых пространный диалог заменяет проповедь. Иногда встречаются тексты, где вместо диалога и проповеди приведен рассказ. В роли собеседника или проповедника может выступать авторитетный ученик Будды, воспроизводящий его поучения. Сообщение о результате проповеди может быть опущено.

Главной функцией жанра сутры, смыслом ее существования, является изложение буддийского учения. Однако положения доктрины в сутрах не получают логических доказательств. Несмотря на то что, как правило, эти тексты причисляются к разряду философских, для них не характерна философская аргументация. Утверждения зачастую иллюстрируются сравнениями или притчами, но их истинность основана на авторитете Будды, достигшего «правильного просветления» и всеведения. Самая распространенная первая фраза сутры: «Так я слышал». Этим декларируется, что рассказчик

только передает речь Учителя, не добавляя ничего от себя. Таким образом, этот жанр исключает авторство. Даже самые поздние, с нашей точки зрения, санскритские сутры не имеют имени автора, они представлены как речь Будды, переданная непосредственным слушателем. Иначе слова учения лишатся своей главной опоры — авторитета. Предназначение сюжетной рамки состоит именно в том, чтобы закрепить проповедь (диалог, рассказ) за Первоучителем. Вступительные главы вайпупья-сутр представляют собой рассказ об обстоятельствах произнесения проповеди Будды, т.е. они задают сюжетную рамку, предворяющую дальнейшее изложение учения махаяны. Поэтому в палийских суттах для нас представляют интерес начальные элементы их структуры, которые предшествуют диалогу и проповеди. Для вводной части палийских сутт характерно использование словесных формул, а также сравнительно небольшой набор повторяющихся сюжетных ситуаций. За открывающей сутту формульной фразой «Так я слышал» практически всегда следует указание на определенное место, где находился Будда (редко — другой персонаж). В большинстве случаев это монастырь Джетавана в Шравастии и монастырь Венувана в Раджагрихе. Наиболее простой и типичной является ситуация, когда действие происходит внутри монастыря и в качестве действующих лиц выступают только его обитатели. Обмен репликами между Буддой и монахами передается формулой: «Пребывая там, Бхагаван обратился к монахам, сказав: “О монахи!” — “Да, почтенный!” — ответили монахи Бхагавану, [выражая] согласие». На этом вступительная часть заканчивается, и следует проповедь. Расширенным вариантом этой ситуации бывает случай, когда монахи приходят к Будде с жалобой на неподобающее поведение или неправильные взгляды одного или нескольких членов общины. Будда просит позвать к нему провинившегося, спрашивает его, правда ли то, что о нем говорят, и затем произносит проповедь. Иногда сам Будда подходит к беседующим монахам, спрашивает, о чем они разговаривают, и, узнав обсуждаемую тему, произносит проповедь. Встречаются и особые сюжеты об обстоятельствах беседы Будды с монахами.

Иной вариант зачина, имеющий свой набор формул, представлен в виде ситуации, также разворачивающейся в пределах монастыря, но с собеседником (слушателем проповеди), пришедшим извне. По-

сетитель может быть как буддистом-миряннином, так и человеком, не принадлежащим к общине. Самая краткая модель, выражающаяся набором формул, где меняются лишь имена, представляет ситуацию, в которой гость приближается к Будде, обменивается приветствиями, садится и задает вопрос. Расширенный вариант включает мотивировку посещения, описание поездки и вхождения в монастырь, приветствие, занятие места и начало разговора. Миряне приходят к Будде, чтобы разрешить свои сомнения, что-либо сообщить, а также чтобы пригласить его в свой дом на трапезу. У тех, кто не исповедует буддийское учение, причины прихода более разнообразны. Часто встречается ситуация, когда персонаж (обычно — брахман) слышит о том, что шрамана Готама находится рядом с городом и дает наставления. Посетитель приходит ради интересной беседы, однако типичным завершением такой сутты бывает обращение его в буддизм. Иногда гость заведомо настроен враждебно. Так, представители других шраманских учений приходят ради спора. Приходящий необязательно принадлежит к миру людей. При этом боги выступают как сторонники буддизма и посещают Готаму, чтобы почтительно задать вопрос, а якши часто приходят с угрозой и формулируют свой вопрос так, чтобы подвергнуть собеседника испытанию.

Если описание дороги присутствует в тексте, оно строится по определенной схеме, заданной набором формул, представленных с большей или меньшей полнотой: приказ о подготовке слонов или колесниц, восхождение на них, выезд из города, следование в нужном направлении, спуск со средства передвижения, приближение пешком к Будде (полный список формул, связанных с передвижением см.: [Allon 1997: 37]). Приветствие также выражается формулами, зависящими от статуса посетителя. Большинство посетителей садится, прежде чем задать вопрос, но встречаются и случаи, когда гость разговаривает стоя — последнее характерно для прихода с приглашением или сообщением, или так может выражаться неприязненное отношение к Будде. Далее следует начало беседы, которое служит переходом к основной части сутты.

Иной вариант развития событий — встреча с Буддой, происходящая вне стен монастыря. Будда покидает обитель ради ежедневного сбора милостыни. При этом он может встретить кого-либо. Это

может быть брахман, занятый жертвоприношением или другим делом. Он враждебно воспринимает приближение монаха, поскольку боится осквернения сакрального места. Диалог может начаться с оскорбительной реплики брахмана, но Будда своими вопросами вовлекает его в беседу, завершающуюся проповедью. Еще одним собеседником Будды может быть последователь другого шраманского учения. В этом случае покинувший монастырь Будда, сочтя, что еще рано собирать милостыню, решает посетить некоего подвижника. Последовательность действий такова: Будда приходит, хозяин произносит приветственные слова, Будда садится на указанное место, начинается разговор. За пределами монастыря происходит и встреча с человеком, пригласившим Будду в свой дом для трапезы или отдыха. Как правило, речь идет о буддисте-мирянине, хозяин заранее ждет проповеди, и беседа начинается с уважительного вопроса, адресованного гостю. Вся ситуация представляет собой вариант совершения даяния и получения милостыни.

Основное место в композиции палийской сутты занимает проповедь. Вступительная часть в подавляющем большинстве случаев невелика по объему. Свойственная ей формульность также свидетельствует о ее подчиненной роли. Однако даже в палийском каноне вступление сутт варьируется от нескольких кратких формульных высказываний до небольшого рассказа, представляющего не типичный, многократно повторяющийся случай (Будда беседует с монахами в монастыре), а некую уникальную ситуацию встречи. Это уже свидетельствует о потенциале развития, заложенном в данном компоненте жанра. Как говорилось ранее, старейшим памятником среди вайпулья-сутр следует считать «Малую Праджняпарамиту». И это единственная санскритская вайпулья-сутра, в которой отсутствует вступительная глава. В ней есть лишь краткое вступление, составляющее часть первой главы.

«Так я слышал. Однажды Бхагаван пребывал в Раджагрихе на горе Гридхракуте с большой общиной монахов, с пятнадцатью сотнями монахов, которые все архаты, избавившиеся от пороков (*kṣī-ṇāśrava*), незапятнанные (*niḥkleśa*), контролирующие себя, полностью освободившие сознание, полностью освободившие мудрость (*suvimuktaprajña*), [имеющие] благородное рождение, великие слоны, сделавшие, что нужно сделать, сделавшие, что следует сделать,

удалившие бремя, достигшие своей цели, устранившие оковы бытия, полностью освободившие сознание благодаря правильному постижению, достигшие высшего совершенства с помощью контроля над всем сознанием — [все они были такими] за исключением одного человека, почтенного Ананды. Тогда Бхагаван обратился к почтенному монаху Субхути ...» [Aṣṭasāhasrikā Prajñāpāramitā: 1].

Здесь перед нами уже хорошо знакомое начало сутры, представленное в наиболее простом и типичном варианте: Будда находится в монастыре и беседует с монахами. Но монахи не просто упомянуты, а охарактеризованы пространством списком эпитетов, и обращение Будды адресовано лишь одному из них. По своему содержанию эпитеты описывают архата, т.е. монаха, достигшего просветления. Это описание явно призвано служить фоном для дальнейшей беседы о бодхисаттве и его качествах. Будда, таким образом, рассказывает архатам о более высоком (с точки зрения иерархии махаяны) идеале, к которому должен стремиться последователь буддизма.

Если мы обратимся к ранним китайским переводам краткой «Праджняпарамиты», то обнаружим, что приведенный вариант вступления был не единственным. Самый ранний перевод, выполненный Локакшемой 婁迦識, датируется 179–180 гг. (道行般若經 [СВЕТА, T0224]). В этой редакции сутра также имеет лишь небольшое вступление, но оно не совпадает с санскритским.

«Будда пребывал в Раджагрихе на Гридхракуте [в окружении] великой неисчислимой общины, [среди которой были] бхикшу — ученики Шарипутра, Субхути и другие, [а также] бесчисленные махасаттвы-бодхисаттвы — бодхисаттва Майтрея, бодхисаттва Манджушри и другие. В пятнадцатый день месяца, когда читают устав (戒 prātimokṣa), Будда сказал Субхути...».

Здесь отсутствует упоминание об архатах и, соответственно, нет их эпитетов, но идея махаянской иерархии выражена через соседство бхикшу и бодхисаттв.

Перевод Чжи-цзяня 支謙, выполненный в 225 г., воспроизводит этот же вариант начала в еще более кратком виде (отсутствуют имена Шарипутры и Майтреи) (大明度經 [СВЕТА, T0225]).

И наконец, в созданном в 382 г. Дхармаприей 曇摩 и Чжу Фоянем 竺佛念 переводе (摩訶般若鈔經 [СВЕТА, T0226]) мы встречаем вступление, весьма близкое к санскритской редакции.

Можно утверждать, что в ранних редакциях «Праджняпарамиты» не было единого варианта вступления и его роль была не столь значительной. Как и в палийских суттах, оно было предназначено лишь для привязки проповеди к личности Будды через упоминание места и участников собрания.

Во всех остальных санскритских вайпулья-сутрах есть вступительные главы. Однако китайские переводы показывают, что так было не всегда.

Санскритская редакция «Ланкаватара-сутры» открывается большой вступительной главой, где главным действующим лицом является владыка Ланки Равана. Глава включает предысторию появления Будды на Ланке, а также рассказ о многих чудесах, совершенных им на острове и предвещающих проповедь.

Китайский перевод «Ланкаватары», выполненный Гунабхадрой 求那跋陀羅 в 443 г. (楞伽阿跋多羅寶經 [СВЕТА, Т0670]), начинается совсем по-другому. Здесь вообще не фигурирует Равана, отсутствует и весь рассказ о чудесах. Действие разворачивается на «горе Ланке», где Будда находится вместе с общиной монахов и собранием бодхисаттв. Его приветствуют два «странствовавших по всем буддха-кшетрам» бодхисаттвы — Да-хуй 大慧 (Mahāmāti) и Мо-ди 摩帝 (Mati?). Далее Да-хуй называет себя и задает вопросы. Будда начинает проповедь.

Как видим, начало ранней редакции «Ланкаватары» имело столь же простую и нераспространенную структуру, как и краткая версия «Праджняпарамиты». Местом действия изначально была Ланка, что, по-видимому, и обусловило появление такого персонажа, как Равана, на стадии оформления вступительной части в виде отдельной главы.

Санскритская редакция «Самадхираджа-сутры» содержит небольшую, но вполне законченную вступительную главу. Однако мы вновь сталкиваемся с ситуацией, когда китайский перевод представляет версию, в которой такая глава отсутствует. Перевод Сяньгуна 先公, выполненный в V в. (佛說月燈三昧經 [СВЕТА, Т0640]), считают неполным [Regamey 1990: 10]. Действительно, начало этого текста соответствует двадцать шестой главе санскритской «Самадхираджа-сутры». Но открывает китайский памятник маленькое вступление, которое вполне соответствует вступительным

частям ранних сутр, при этом язык перевода ясно передает характерные формулы индийского оригинала. После стандартной фразы «Так я слышал» сообщается, что Будда находился в Джетаване с общиной монахов, собранием бодхисаттв и богов. Среди этого собрания присутствовал бодхисаттва Манджушри. Будда обращается к нему и сразу начинает проповедь. Трудно сказать, является ли перевод Сянь-гуна сокращенным. Нельзя исключать и того, что сутра была гораздо короче и все главы до двадцать шестой были интерполированы в текст в ходе его эволюции. Но, как бы там ни было, начало этой версии воспроизводит модель вступления и придает произведению форму самостоятельной и полноценной сутры. Как и в случае с «Ланкаватарой», формирование вступительной главы в «Самадхираджа-сутре» сопровождается изменениями персонажей. У Сянь-гуна Будда проповедует, обращаясь к Манджушри, в санскритской редакции Манджушри лишь упомянут как предводитель собравшихся бодхисаттв. Адресатом проповеди становится царевич Чандрапрабха, и его роль более активна: он не только слушает Будду, но и задает ему вопросы.

Уже столетие спустя (557 г.) Нарендраяшас 那連提耶舍 создал новый перевод «Самадхираджа-сутры» (月燈三昧經 [СВЕТА, Т0639]). В этой работе нет деления на главы, но начало ее в целом соответствует вступительной главе санскритского текста. Скорее всего, деление на главы было снято переводчиком, и редакция, находившаяся в его распоряжении, содержала полностью сложившуюся вступительную главу.

Итак, в ранних вариантах вайпуля-сутр развивается лишь одна модель зачина, причем именно та, которую можно считать наиболее типичной для палийских сутт: Будда находится в монастыре и проповедует монахам. В «Праджняпарамите» и «Самадхираджа-сутре» инициатива беседы принадлежит Будде, в «Ланкаватаре» поводом для проповеди служат вопросы Махамати. Оба случая имеют многочисленные аналоги в Типитаке. «Гора Ланка» не встречается в качестве места действия в суттах палийского канона, однако образ этой «горы» в «Ланкаватаре» можно считать всего лишь аналогом Гридхракуты, где Будда, согласно суттам, много раз произносит адресованные монахам проповеди. Введение нового топонима, вероятно, объясняется известными связями ранней махаяны с юж-

ными регионами Индии. Отличия от палийских вступительных частей формально невелики, но содержательно значимы. Главными слушателями проповедей теперь становятся не монахи, а бодхисаттвы. Появление последних, очевидно, происходит не сразу. В санскритской «Малой Праджняпарамите» бодхисаттвы отсутствуют среди собравшихся, а из двух собеседников Будды один (Субхути) назван *āyusmat* и *sthavira*, а второй (Шарипутра) — *āyusmat*. Но при этом речь Будды посвящена именно бодхисаттвам и их качествам. В переводах Локакшемы и Чжи-цзяня среди присутствующих фигурируют как монахи, так и бодхисаттвы. В ранних китайских версиях «Ланкаватары» и «Самадхираджа-сутры» собрание также включает монахов и бодхисаттв. Второе отличие зачинов махаянских сутр — введение длинных перечней эпитетов. В санскритской «Праджняпарамите» даны эпитеты монахов, которые характеризуются как идеальные архаты. В «Ланкаватаре» Гунабхадры эпитеты уже относятся только к бодхисаттвам. Таким образом, здесь уже намечено важное для махаяны противопоставление архата и бодхисаттвы.

Промежуточную стадию формирования сюжетной рамки больших махаянских сутр дает ранняя редакция «Лалитавистары». В переводе Фа-ху 法護 (санскр. Dharmarakṣa), осуществленном в 318 г. (佛說普曜經 [СВЕТА, T0186]), отдельной вступительной главы нет. Однако эта сутра открывается не краткой вводкой с упоминанием места собрания, его участников и собеседника Будды, а составляющим половину первой главы рассказом. Будда, пребывающий в Джетаване в окружении монахов и бодхисаттв, принимает подношения царей, сановников и купцов, восславляющих его. Ночью к нему приходят боги Шуддхаваса и обращаются с просьбой произнести «Сутру всеобъемлющего сияния» 普曜經 (название «Лалитавистары» в раннем китайском переводе). За кратким пересказом ее содержания следуют слова о том, что ее произносили все татхагаты прошлого. Получив молчаливое согласие Будды, боги радуются, совершают поклонение и возвращаются на небеса. Утром Будда рассказывает монахам и бодхисаттвам о явлении богов. Вся община охвачена ликованием и присоединяется к просьбе. Начиная свою речь, Будда призывает бодхисаттв и шраваков слушать внимательно. Далее он характеризует сутру и рассказывает о своем пребывании в мире Тушита — этот рассказ в санскритской версии сутры составляет содержание второй и третьей глав.

Здесь зачин из краткого обозначения ситуации превращен в развернутое повествование. Новый мотив просьбы богов восходит к древнему варианту начала сутр, когда божество приходит к Будде с вопросом, побуждающим к проповеди. Такие явления богов всегда происходят в ночное время. Однако в данном случае боги не задают вопрос, а просят произнести конкретную сутру. Упоминание жанра сутры внутри сутры уже само по себе показатель нового отношения к тексту. Если изначально сутра (сутта) — это воспроизведение свидетелем (Анандой) проповеди, произнесенной когда-то по определенному поводу и связанной с неким событием или некоей ситуацией, то здесь сутра понимается как нечто заранее существующее и ничем не обусловленное. Особенно важен аргумент, которым боги подкрепляют свою просьбу: Будда должен произнести сутру потому, что ее произносили все будды прошлого. Таким образом, текст фактически объявляется существующим вечно. В буддийском мироздании, где ничто не вечно и даже будды с их общинами обречены на исчезновение, сутра остается неизменной. В конечном счете, смысл существования «махаянского Будды» состоит в том, чтобы воспроизвести предвечный текст. Именно об этом его просят боги, бодхисаттвы и шраваки.

То же новое махаянское восприятие канонического текста можно наблюдать на примере «Суварнапрабхасы», вступительную главу которой также следует отнести к переходному типу. Будда пребывает на горе Гридхракуте в окружении четырех богинь, многочисленных богов и полубогов. Ананда спрашивает, в чем состоят дхарма и вина для этих существ. В ответ Будда произносит пространную речь в стихах. Он прославляет сутру, именуемую «Суварнапрабхаса». Он называет ее «царем сутр» и указывает, что слушать и рассказывать ее надлежит, совершив омовение, облачившись в чистую одежду, умастившись благовониями и очистив свое сознание. Благодаря чтению этой сутры человек избавится от всех несчастий. Четыре богини, все боги и полубожественные существа будут защищать его днем и ночью. Его «примут» будды десяти сторон света и бодхисаттвы.

Здесь восприятие текста в качестве объекта поклонения выражено еще более ясно. В этом вступлении даже ничего не сказано о содержании сутры, речь идет исключительно о ее почитании и о магическом воздействии.

Интересно отметить, что в переводах Дхармакшемы 曇無讖 (начало V в., 金光明經 [СВЕТА, Т0663]) и Бао-гуя 寶貴 (600 г., 合部金光明經 [СВЕТА, Т0664]) ситуация произнесения сутры выглядит иначе. Говорится лишь о пребывании Будды на Гридхракуте, какие-либо упоминания о божествах отсутствуют. Нет и вопроса, заданного Анандой. Стихи, восхваляющие сутру, в целом соответствуют санскритскому тексту, но они не преподносятся как речь Будды. Создается впечатление, что гатхи, имевшиеся в ранней редакции памятника, послужили толчком для формирования позднейшей вступительной главы. Богини и божества, которые в стихах объявлены защитниками слушателей «Суварнапрабхасы», были превращены в участников собрания, а сами стихи сделаны ответом на вопрос Ананды. Иными словами, обещание божественной защиты становится «дхармой и винаей», предписанной Буддой этим существам. Первоначальной самостоятельной ролью стихов объясняется некоторая несостыковка вопроса и ответа в санскритской версии: Ананда спрашивает о «дхарме и винае», а Будда принимается восхвалять сутру.

Иной вариант зачина «Суварнапрабхасы» содержит перевод И-цзина 義淨 (703 г., 金光明最勝王經 [СВЕТА, Т0665]). За сообщением о пребывании Будды на Гридхракуте следует рубрицированный список присутствующих. В начале, в соответствии с канонам махаянских сутр, называются архаты и бодхисаттвы, даются их имена и эпитеты. Сообщается, что после полудня они закончили медитацию, пришли, поклонились Будде и сели рядом с ним. Затем неожиданно появляются личчхавы, приход которых описывается по той же схеме. Таким же образом к собранию присоединяются боги, наги, якши и гаруды. Затем упоминаются риши и цари со своим окружением. Особо оговаривается, что все собравшиеся преданы «великой колеснице». Без какого-либо вопроса Будда произносит речь в стихах, соответствующую по содержанию санскритским гатхам.

В данном случае мы имеем дело с иным вариантом формирования вступительной главы. В редакции, с которой работал И-цзин, прозаический текст не мотивирован стихами, а сложился по модели иных махаянских сутр, однако он не приобрел законченной композиции, характерной для вступительных глав вайпулья-сутр.

Еще один путь развития вступительной главы представлен в санскритской «Самадхираджасутре». Будда находится на горе Гридракуте в окружении монахов, бодхисаттв, мирян и богов. Царевич Чандрапрабха просит дозволения задать вопрос и, получив разрешение, произносит речь в стихах с чередой вопросов о добродетелях бодхисаттвы. Будда отвечает прозой и стихами, что главное достоинство бодхисаттвы — равное отношение ко всем существам. Когда он произнес это наставление, во всем мире произошли благие духовные преобразования: все существа обрели способность воспринимать дхарму, монахи достигли освобождения сознания и т.д. Кроме того, речь Будды сопровождалась чудесами: все миры шестикратно содрогнулись, и появился великий свет, затмивший солнце и луну, сделавший зримым все мироздание с богами и людьми и проникший до самого ада Авичи.

Этот рассказ также может быть отнесен к промежуточному этапу формирования вступительных глав: здесь еще нет сложного сюжета, нет и высказанного напрямую обожествления сутры. Однако начало проповеди сопровождается чудесами космического масштаба, что само по себе превращает ее произнесение в событие вселенской значимости и подразумевает восприятие сутры как сакрального объекта. Особенно важно появление мотива пронизывающего миры света. Этому мотиву предстоит сыграть серьезную роль в развитии композиции вступительных глав.

Возвращаясь к «Лалитавистаре», отметим, что ее более поздняя редакция, сохраненная в переводе Дивакары 地婆訶羅 (конец VII в., 方廣大莊嚴經 [СВЕТА, T0187]), **уже содержит вступление, выделенное в самостоятельную главу, более краткую, чем санскритская версия, но по сюжету совпадающую с ней.**

Сюжет, лежащий в основе зачина в редакции Фа-ху, здесь воспроизведен, но содержит один новый и чрезвычайно важный эпизод. Ночью Будда погружается в медитацию. Из выступа на его голове (*uṣṇīṣa*) исходит сияние, называемое «беспрепятственное обретение воспоминания о буддах прошлого». Это сияние озарило дворцы богов Шуддхаваса. Из него прозвучали гатхи, призывающие всех прибегнуть к Будде и восхваляющие его. Услышав гатхи, боги вспомнили татхагат прошлого, и именно тогда они пришли к Будде с просьбой произнести сутру.

Как мы увидим в дальнейшем, этот мотив «медитации и луча» станет центральным во вступительных главах санскритских вайпулья-сутр. Благодаря этому мотиву сюжетная рамка сутры обретает свою завершенность. Первопричиной всего происходящего становится сам Будда. Он произносит сутру по просьбе богов, но просьба богов обусловлена его медитацией.

Обратившись к одной из самых известных вайпулья-сутр — «Саддхармапундарике», мы обнаружим, что ее вступительная глава строится на собственном вполне разработанном сюжете. Однако схема этого сюжета в своих основных моментах соответствует той, которая была выявлена на материале «Лалитавистары».

Будда пребывает на Гридхракуте в окружении великой общины, включающей монахов и бодхисаттв, а также монахинь, мирян, богов и божественных существ. Он произносит сутру, называемую «Великое Объяснение» (*maḥānirdeśa*) и погружается в медитацию Основание Бесконечного Объяснения (*anantanirdeśapraṭiṣṭhāna*). Происходят чудеса: проливается дождь из цветов, содрогается земля, из завитка волос между бровями Будды исходит луч, направленный на восток. Он озаряет все буддха-кшетры до края мироздания. Становятся видны все миры и их обитатели, все будды, их общины, все ступы и мощи прошлых будд. Бодхисаттва Майтрея размышляет о причине такого проявления магических способностей Будды; он предполагает, что об этом должен знать Манджушри, помнящий многих будд прошлого. Члены общины также пребывают в недоумении. Понявший их состояние Майтрея обращается к Манджушри с вопросом в стихах. Он подробно описывает явившуюся ему картину вселенной, где в центре каждого из многочисленных миров пребывает Будда со своей общиной. В ответ Манджушри рассказывает историю о прошлом. Он вспоминает о чередке будд, каждого из которых звали Чандрасурьяпрадипа. У последнего из них было 8 сыновей. Все они вслед за отцом отказались от мирской жизни. Рассказывая об этом Будде, Манджушри повторяет всю историю о сутре, медитации, чудесах и луче света. Все это было предвестием произнесения сутры «Саддхармапундарика». Ее изложение происходило в течение шестидесяти калп, но никто из присутствовавших не почувствовал усталости. Возвестив сутру, Будда погрузился в паринирвану. Хранителем сутры стал Бодхисаттва Варапрабха,

а восемь сыновей Чандрасурьяпрадипы сделались его учениками. Впоследствии все они достигли просветления, а младший из них был Буддой Дипанкарой (первым из 24 канонических будд). Среди учеников Варапрабхи был один нерадивый, по имени Яшаскама. Он не усваивал учение, но возрастил корни благого, поскольку почтил многих будд. В заключение Манджушри объявляет, что он был Варапрабхой, а обратившийся к нему с вопросом Майтрея — Яшаскамой. Свой рассказ Манджушри повторяет в стихах.

Переводы Фа-ху 法護 и Кумарадживы 鳩摩羅什 близки по содержанию к санскритскому тексту. При наличии незначительных отличий в формулировках нет сомнений в том, что оба переводчика работали с редакциями, если не полностью совпадающими, то весьма похожими на имеющиеся у нас. Это означает, что к началу IV в. вступительная глава этой вайпулья-сутры уже сформировалась в окончательном виде.

Если выделить главные элементы пересказанного сюжета, становится видно, что его построение действительно аналогично схеме вступительной главы «Лалитавистары»: Будда во главе собрания, главными участниками которого выступают монахи и бодхисаттвы, медитация и связанный с нею луч, рассказ о прошлых буддах, которые произносили ту же сутру.

При этом магический луч, как и в «Лалитавистаре», служит побуждением к действию, заставляя Майтрею задать вопрос, а Манджушри вспомнить о прошлом. Однако он играет и другую роль. Он делает видимыми бесчисленные миры, позволяя представить картину вселенной махаяны.

Экскурс в прошлое в этой сутре построен по модели джатаки: сначала рассказ о событиях давних времен, а затем отождествление его персонажей с современниками рассказчика. Это вставное повествование дополняет описание воздействия чудесного луча. Оно придает картине вселенной глубокую временную перспективу. Миры, в центре которых будды и их общины (подобные той, что собралась на Гридхракуте), многократно повторяются не только в бесконечном пространстве, но и в бесконечном времени. Этот образ бесконечно дублирующих друг друга миров становится оправданным фоном для произнесения вечной сутры.

Теперь рассмотрим структуру вступительной главы «Ланкаватара-сутры». Китайские переводы Бодхиручи 菩提留支 (517 г., 入楞伽

經 [СВЕТА, Т0671]) и Шикшананды 實叉難陀 (700–704 гг., 新譯大乘入楞伽經 [СВЕТА, Т0672]) близки по содержанию к санскритскому тексту, что доказывает сложение отдельной вступительной главы по крайней мере к началу VI в.

Место, где происходит сбор общины, в этой сутре необычно. Будда пребывает «в городе Ланке на вершине [горы] Самудрамалая». Такая замена для обычных «города Раджагрихи и горы Гридхракуты», очевидно, нуждалась в обосновании. Поэтому во вступительную главу введена предыстория появления Будды на острове. Поднявшись «из дворца царя морских нагов», Будда увидел гору Малая. Он улыбнулся и сообщил встречавшим его богам, что «прежние Татхагаты, архаты, правильно просветленные, на вершине [горы] Малаи в городе Ланке проповедовали дхарму... И я тоже для Раваны, владыки якшей, возвещаю то же [учение], буду проповедовать дхарму». Благодаря силе Татхагаты эти слова услышал владыка Ланки Равана, который взошел на волшебную колесницу Пушпака и отправился навстречу Будде. Почтив Татхагату, он пригласил его в свой город. Аргумент, который использует Равана, аналогичен тому, что говорили боги в «Лалитавистаре», он тоже ссылается на многократно повторенное событие прошлого, спроецированное в настоящее и будущее: «(11) Я помню, как прежними буддами, почитаемыми сыновьями Победителей, излагалась эта сутра; Бхагаван тоже пусть расскажет [ее]. (12) Будды и сыновья будд, которые явятся в грядущем, это божественное учение на вершине, украшенной драгоценными камнями, будут проповедовать из сострадания к якшам, [став] предводителями [живых существ]».

Будда в сопровождении Раваны и его свиты прибывает на гору Малая. Здесь Равана обращается к бодхисаттве Махамати с просьбой задавать Будде вопросы, поскольку он был «вопрошателем всех будд». Далее следует важный эпизод, который придает своеобразие вступительной главе «Ланкаватарасутры». Равана видит множество гор Малая и на каждой из них — Будду, отвечающего на вопросы Махамати, а также себя и других слушателей проповеди. Каждый из Будд окружен общиной и находится в центре своей буддха-кшетры. Затем видение исчезает, и Равана оказывается один в своем дворце. Размышляя о произошедшем, владыка Ланки постигает иллюзорность всего сущего: «(42) Нет видящего и нет видимого, нет ска-

занного и нет говорящего, напротив, [все] это — лишь иллюзия, существующая в форме Будды и дхармы; видящие то, что видимо, не видят Предводителя». Так Равана достиг просветления, и с неба прозвучал голос, подтверждающий его способность воспринять истинное учение.

Повелитель Ланки обращается с мольбой о лицезрении Будды. Тот из милосердия вновь являет себя, и Равана еще раз видит всю сцену проповеди на горе.

Обозрев собрание, Будда раздражается хохотом и испускает лучи из всех частей тела. Они озаряют все мироздание, боги и бодхисаттвы недоумевают о причине этого явления. Бодхисаттва Махамати спрашивает Будду о причине его смеха. Будда хвалит Махамати, но с предложением задавать вопросы он обращается не к нему, а к Раване. Равана спрашивает о «двойственности дхармы» (*dharmadvaya*), и далее следует проповедь.

Все элементы построения вступительной главы, выделенные в связи с «Лалитавистарой» и «Саддхармапундарикой», присутствуют и здесь, но скомпонованы они иначе. Образ множественности миров здесь не связан с лучом, испускаемым Буддой. В «Ланкаватарасутре» этот образ становится выражением идеи иллюзорности всего существующего, предваряя содержание самой сутры: Равана видит сначала множество миров и себя в каждом из них, а затем все миры исчезают.

В роли собеседника Будды в «Ланкаватаре» выступает бодхисаттва Махамати. Как уже говорилось, китайский перевод Гунабхадры свидетельствует, что в раннем варианте сутры владыка Ланки отсутствовал. Введение Раваны в качестве главного персонажа вступительной главы вызвало ряд несостыковок, заметных в санскритской редакции. Будда мотивирует необходимость проповеди на Ланке тем, что все будды прошлого проповедовали там и отвечали на вопросы Раваны. Однако за пределами вступительной главы, т.е. в основной части сутры, вопросы задает Махамати. А в самой вступительной главе роль Махамати выглядит неясной. Равана и якши называют его «вопрошателем всех будд» (строфа 28), хотя Будда с призывом задавать вопросы обращается к Раване.

Не вызывает сомнения знакомство составителей памятника с Рамаяной. Об этом свидетельствуют упоминания о чудесной колесни-

це Пушпаке, брате Раваны Кумбхакарне, эпизодическом персонаже Саране (посол от Раваны к Раме), а также эпитет Раваны — «Десятишей».

Луч выглядит в этой вайпулья-сутре лишь как канонический элемент вступления, который в данном контексте не выполняет никакой сюжетной функции, увеличивая при этом количество несостыковок. Роль луча, как мы уже знаем, состоит в побуждении к вопросу или просьбе. Действительно, увидев луч, Махамати задает вопрос о причине смеха Будды. Но вместо ответа Будда призывает Равану задавать вопросы о дхарме.

Складывается впечатление, что формирование вступительной главы «Ланкаватарасутры» определялось конфликтом двух тенденций: с одной стороны, стремление построить оригинальный сюжет, объясняющий необычное место действия (Ланка) и воплощающий основную философскую идею сутры (иллюзорность существующего), с другой — необходимость задействовать стандартные мотивы введения махаянских сутр.

Подобная проблема, по-видимому, стояла и перед создателями «Дашабхумикасутры». В ее вступительной главе также фигурируют необычное место действия, оригинальный сюжет и при этом сохранены все канонические элементы начала вайпулья-сутры.

Будда находится в небесном дворце в мире богов, Живущих Властью над Магическими Творениями Других (*paranirmitavaśavartin*). Его окружение составляют бодхисаттвы, при этом архаты или монахи не упоминаются. Бодхисаттва Ваджрагарбха входит в медитацию, называемую Сияние Махаяны (*mahāyānaprabhāsa*). Ему являются Татхагаты всех буддха-кшетр. Для него они собрали свою «непобедимую сущность» (*anabhibhūtātmabhāvatā*). Все они касаются руками головы Ваджрагарбхи. После этого он выходит из медитации и сообщает собранию о десяти ступенях совершенствования бодхисаттвы, перечислив их названия. Однако затем он умолкает, и бодхисаттвы так и не узнают о «различиях между ступенями». Бодхисаттва Вимуктичандра понимает мысли собравшихся и обращается к Ваджрагарбхе с речью в стихах. Восхвалив достоинства присутствующих бодхисаттв, он спрашивает у Ваджрагарбхи, почему тот не изложил учение о ступенях полностью. В ответ Ваджрагарбха объясняет, что это «очень тонкое знание» и оно может

повредить тому, кто не готов его воспринять: «(10) Как рисование в воздухе красками, как ветер, находящийся на пути птиц, так же призрачно и незагрязненное знание Бхагаванов, осуществленное лишь частично. (11) Мое мнение о нем таково — в мире трудно найти того, кто его понимает, и того, кто поверит в это высшее [знание], поэтому я не отваживаюсь возвестить [его]». Вимуктичандра вновь превозносит собравшихся, утверждая, что они в состоянии воспринять учение о ступенях. Ваджрагарбха возражает, говоря о том, что учение могут услышать и другие люди, которым оно причинит вред. Вимуктичандра ручается, что знание будет надежно защищено. Все бодхисаттвы поют гатхи, в которых просят открыть им учение.

В это время из завитка волос между бровями Будды выходит луч, называемый Свет Силы Бодхисаттв. Он озаряет все миры, а также находящиеся в них Будд и бодхисаттв. Тот же луч создает в воздушном пространстве дом (*kūṣāgāra*) из лучей и облаков. Озаренные Будды всех миров также испускают лучи, создавшие воздушные здания и осветившие Будду Шакьямуни и Бодхисаттву Ваджрагарбху. Из дома в небе звучит голос, который произносит стихи о необходимости открыть учение о ступенях. Ваджрагарбха начинает проповедовать: он восхваляет ступени бодхисаттв, предупредив, что расскажет только введение в это учение и сделает это лишь благодаря силе Будды.

Весь сюжет вступления «Дашабхумики» построен вокруг идеи тайной доктрины. Именно поэтому местом действия становятся не обычные для жанра сутры горы или монастыри, а небесная обитель высшего разряда богов Мира Желаний. По той же причине слушателями сутры являются исключительно бодхисаттвы, а монахи, достигшие состояния архата, не упоминаются. Сокровенному характеру учения посвящен и весь диалог Ваджрагарбхи и Вимуктичандры.

Сюжетные мотивы, на которых построено развитие действия главы — медитация, явление множества миров, луч, божественный голос — нам уже хорошо знакомы. Но смысл, которому они служат, оказывается иным. Проповедником в «Дашабхумике» выступает не Будда, а один из бодхисаттв. Сама по себе такая передача роли учителя от Будды одному из ближайших последователей не является чем-то необычным для жанра. В палийской Типитаке есть сутты,

в которых проповедь произносят, например, Шарипутра (Mahāvēdallasutra) или Ананда (Acchāriyabbhūtaḍḍhammasutta). Но здесь молчание Будды обретает новое, более глубокое значение. Тайное учение передается избранному адепту не словесно, а через откровение. Ваджрагарбха получает сакральное знание магическим путем: оно оказывается равнозначно силе будд всех миров, которую они «собирают», чтобы вложить ее через прикосновение к голове бодхисаттвы в момент медитации. Медитация и картина множественности миров (буддха-кшетр) становятся компонентами сюжета об откровении.

Идее откровения подчинен также и образ магического луча. В сутрах, о которых речь шла ранее, луч, исходящий от одного Будды, озарял вселенную, создавая картину множества миров. В «Дашабхумикасутре» будды всех миров «в ответ» на луч Шакьямуни посылают свои лучи, «озарив тело Бодхисаттвы Ваджрагарбхи и собрание Будды Шакьямуни». Этот «световой эффект» создает сакральное пространство для действия произнесения сутры и благословляет Ваджрагарбху на проповедь. Он получил знание через прикосновение рук всех будд, а возвещать его будет озаренный их светом.

Небесный голос во вступительных главах обращается к слушателям сутр: в «Лалитавистаре» он побуждает богов прибегнуть к Будде, в «Ланкаватарасутре» — подтверждает готовность Раваны услышать истинное учение. В «Дашабхумикасутре» голос обращен к проповеднику. Он повелевает Ваджрагарбхе открыть тайное учение. Такое повеление должно исходить от Будды. Но здесь Будда хранит молчание, и голос отделен от него. «Благодаря силе Будды» (buddhānubhāvena) он звучит из kīṭāgāra, созданной чудесным лучом. Kīṭāgāra — обычное место пребывания Татхагаты. Голос из небесного дома становится еще одним образом откровения, будучи одновременно и гласом свыше, и словами Будды.

Столь замысловатая конструкция вступительной главы «Дашабхумикасутры» предназначена в конечном счете для решения одной задачи: преодолеть противоречие, заложенное в самой ситуации «буддийского откровения». Источник высшего знания — Будда — присутствует в общине в качестве проповедника, находится рядом с учениками в человеческом облике. Сакральное знание в таком случае не приходит из высшего мира от непостижимого божества. В этой вайпулья-сутре знание о ступенях, которое хранит Будда, по

его воле из небесных сфер ниспосылается избранному адепту. Такое построение сюжета позволяет объединить происходящую внутри общины проповедь и божественное откровение.

Китайский перевод, выполненный Фа-ху (漸備一切智德經 [СВЕТА, T0285]), отличается от санскритского текста лишь наличием ряда стихов, дублирующих прозу, и некоторыми деталями, не влияющими на развитие сюжета. Следовательно, к концу III века вступительная глава «Дашабхумики» уже сложилась. То же можно сказать и о большой «Праджняпарамите», китайская версия которой создана тем же переводчиком.

Именно во вступительной главе большой «Праджняпарамиты» поэтика махаяны представлена во всей своей «цветущей сложности». Структура этой главы, как мы увидим, строится из тех же компонентов, которые были выявлены на материале уже рассмотренных сутр, однако она существенно усложнена и демонстрирует богатый образный ряд, порожденный мифологией махаяны.

Будда находится в обычном для произнесения сутр месте — на горе Гридхракуте. Его окружают монахи и бодхисаттвы (и те и другие охарактеризованы обычными наборами эпитетов), а также монахини, миряне и мирянки.

Далее следует часть, посвященная обычной картине множества миров, охваченных воздействием Будды. Здесь она построена как череда чудес, связанных с медитацией.

Будда входит в медитацию, называемую Царь Медитаций (*saṃādhirāja*). Выйдя из нее, он окинул взором все мироздание и «улыбнулся всем телом» (*sarvakāyāt smitam akarot*). Из всех частей его тела засияли лучи, озарившие миры всех сторон света. «И существа, которые увидели то сияние и которых коснулось сияние тех лучей, все приняли решение о непревзойденном правильном просветлении».

Следующее чудо совершается с помощью языка. «И вот в то время Бхагаван высунул язык, и покрыл языком три тысячи великих тысяч миров, и, наполнив три тысячи великих тысяч миров языком, из того языка испустил улыбку, так что воссияли многие сотни тысяч миллионов миллиардов лучей; и на кончике каждого луча появились сделанные из лучших драгоценных камней, сияющие золотом тысячелепестковые лотосы, а в тех лотосах находились и пребывали тела Будды, проповедующие дхарму...» Все, кто услышал эту проповедь, также приняли решение достичь просветления.

Далее Будда погружается в медитацию Игра Льва (*siṃhavikṛīḍita*). Вся земля шестикратно содрогнулась. Наступило всеобщее благоденствие. Существа, родившиеся в адах и среди животных, избавились от дурных рождений. Люди и боги вспомнили свои прежние рождения и явились поклониться Будде. Все страдания прекратились. «Тогда в трех тысячах великих тысяч миров существа слепые от рождения глазами увидели формы, глухие существа ушами слышали звуки, безумные существа обрели память, рассеянные стали сосредоточенными, голодные стали тучными, жаждущие избавились от жажды, больные избавились от болезни, калеки обрели все органы чувств, а все живущие с помощью нехороших дел, [совершаемых] телом, речью и умом, [стали] живущими с помощью хороших дел, [совершаемых] телом, речью и умом».

Затем Будда являет во всех мирах свой «природный облик» (*prakṛtyātmabhāva*). Боги и люди, увидев его «чарующий облик», приходят к нему с цветами и другими дарами. Чтобы вместить эти дары, потребовалось создать сооружение (*kūṭāgāra*) размером с целую вселенную.

После этого Будда вновь улыбается. Его улыбка озаряет все миры. Этот свет служит знаком для сбора главных слушателей сутры. Так начинается следующий сюжетный блок главы. Чтобы присутствовать при произнесении сутры, сходятся бодхисаттвы из наиболее отдаленных миров. Рассказ об их прибытии строится как шестикратно повторенный текст, варьирующий лишь имена и названия. Действие поочередно развивается в шести сторонах света (восток, юг, запад, север, надир, зенит).

«И вот в восточной стороне света, за мирами, [числом] подобными песчинкам Ганги, есть самый последний мир, называемый Ратнавати, и в нем пребывает, находится, проживает Татхагата, архат, правильно просветленный, по имени Ратнакара. Он эту же Праджняпарамиту объясняет великим существам бодхисаттвам. В том мире есть великое существо бодхисаттва по имени Самантарашми; он, то великое сияние увидев и то великое сотрясение земли и тот чарующий облик Бхагавана увидев, приблизился к Бхагавану, Татхагате, архату, правильно просветленному Ратнакаре, и, приблизившись, поклонившись тому Бхагавану в ноги, так сказал Татхагате Ратнакаре: “Бхагаван, какая причина, какое условие появления

в мире этого великого света, этого великого сотрясения земли, а также явления этого чарующего облика Татхагаты?” Когда это было сказано, Татхагата Ратнакара сказал бодхисаттве Самантарашми так: “О благородный, есть в западной стороне света за мирами, подобными песчинкам Ганги, мир, называемый Саха, там пребывает, находится, проживает Татхагата, архат, правильно просветленный Шакьямуни. Он великим существам бодхисаттвам объясняет Праджняпарамиту, это [проявление] его могущества”. Тогда бодхисаттва Самантарашми сказал Татхагате Ратнакаре так: “О Бхагаван, я пойду в тот мир Саха, чтобы увидеть, приветствовать и почтить того Татхагату Шакьямуни и тех великих существ бодхисаттв”».

Бодхисаттва Самантарашми с огромной свитой из бодхисаттв, домохозяев, подвижников, юношей и девушек отправляется в мир Саха, взяв с собой полученные от Татхагаты Ратнакары тысячелестковые лотосы. Получив от Самантарашми лотосы, Будда Шакьямуни осыпает ими всех татхагат в мирах восточной стороны, «и все миры были озарены теми лотосами, и в тех лотосах пребывали тела татхагат, которые проповедовали дхарму».

Таким же образом прибывают бодхисаттвы с других сторон света.

После этого Будда обращается к Шарипутре, говоря о важности изучения Праджняпарамиты. Диалог с Шарипутрой переходит в проповедь.

Серия образов, использующих общие для вступительных глав мотивы, в этой сутре воплощает идею вселенского присутствия Будды. Вся глава строится как череда небольших сюжетов, в которых Будда так или иначе «заполняет собой» все мироздание. Его присутствие осуществляется через испускание лучей, озаряющих все, через покрывание миров языком, через явление собственного образа, зримого повсюду, через сотрясение миров и чудесное устранение страданий всех существ, через мультипликацию себя в лотосах, рассеивающихся по всей вселенной.

Вселенная в Большой Праджняпарамите представлена как бесконечное множество миров (по числу они постоянно сравниваются с песчинками в Ганге), однако у нее есть единый центр, а именно — находящийся в мире Саха Будда Шакьямуни. Его экспансия в миры порождает встречное движение — стремление всех существ к нему, произносящему сутру. Это движение происходит в двух сюжетах:

приход богов и людей с дарами и сбор бодхисаттв всех сторон света. Каждый из этих приходов порождает новую экспансию: принесенные дары благодаря воздействию Будды охватывают все мироздание (в виде kuṭāgāga, принимающей размеры вселенной, и лотосов, бросаемых в миры).

Тема сбора слушателей — новый элемент в композиции вступительных глав. Пространный рассказ о приходе бодхисаттв из самых отдаленных миров делает произнесение сутры событием космического масштаба. То, что этот рассказ построен как повторение идентичного текста, связанного со сторонами света, создает принципиально иной по сравнению с другими вайпулья-сутрами образ пространства. Если прежде мы имели дело с иерархической системой, выстроенной по вертикали (в «Лалитавистаре» боги спускались на землю к Будде, в «Дашабхумике» сам Будда поднялся в мир богов), то теперь пространство предстает как сферическая структура, характеризующаяся равноценностью всех идущих от центра направлений. Верх ничем не отличается от низа, запада или юга. Везде располагаются миры с буддами, бодхисаттвами и общинами. Везде будды проповедуют «Праджняпарамиту». Миры отличаются друг от друга лишь положением относительно мира Саха.

Во вступительной главе «Большой Праджняпарамиты» рассказ о сборе слушателей-бодхисаттв занимает значительный объем текста. Еще более пространное повествование об их прибытии становится в «Гандавьюхасутре», памятнике, в котором буддологи усматривают элементы «прототантры». Исключительно длинная вступительная глава санскритской редакции этой сутры заполнена во многом повторами, списками имен и традиционных эпитетов. Тем не менее именно в этом тексте можно выделить элементы, намечающие новый этап развития жанра.

Будда пребывает в Джетаване в окружении бодхисаттв, шраваков (обычное для махаяны обозначение монахов «малой колесницы») и «владык мира» (lokendra). Список имен дается только для бодхисаттв, остальные участники собрания охарактеризованы лишь эпитетами.

Все присутствующие размышляют о непостижимости Татхагаты, которого можно постичь исключительно с его же помощью. Будда понимает их мысли и погружается в медитацию татхагат Зевок

Льва (*simhajrmbhita*). Это вызывает преобразование всего окружающего: *kūṭāgāga*, в которой сидит Будда, а также вся Джетавана расширяются до бесконечных размеров. Все буддха-кшетры увеличиваются и украшаются всевозможными драгоценностями, флагами, зонтами и т.д. Небо над Джетаваной наполняется божественными колесницами, ароматными деревьями, лотосами, драгоценными тканями. Звучат хвалы Будде. Среди причин такого преобразования мира названы особые качества Татхагаты, его «непостижимые корни благого», а также «непостижимое чудо распространения на весь мир одного тела Татхагаты».

Далее следует рассказ о приходе бодхисаттв из других миров. Как и в Большой Праджняпарамите, повествование построено в форме дословных повторов, где варьируются лишь названия миров, имена татхагат и бодхисаттв, а также чудесные знамения, сопровождающие прибытие каждого бодхисаттвы. Число повторов здесь увеличено за счет введения четырех промежуточных сторон света. Бодхисаттва из мира, находящегося «за океаном миров, [числом] подобных песчинкам атомов неисчислимых буддха-кшетр», каждый раз получает согласие своего татхагаты и отправляется в мир Саха, наполняя при этом вселенную множеством «магических творений» — дождями из драгоценных камней, гирлянд, лотосов, одежд и т.д. Прибыв на место, он кланяется Будде, отходит в ту сторону света, из которой пришел, создает множество *kūṭāgāga* и тронов, садится и «являет тела бодхисаттв». Этот принцип выдержан с абсолютной строгостью. Так, пришедший с нижней стороны света бодхисаттва «отходит в нижнюю сторону» и садится там, а слушатель из верхней, соответственно, занимает место сверху. В результате образуется некая объемная конфигурация, в центре которой находится Будда Шакьямуни, как бы вознесенный в пустое пространство и со всех сторон окруженный десятью главными слушателями-бодхисаттвами, каждый из которых явил на своих драгоценных тронах тела сопровождающих бодхисаттв.

Однако находящиеся в Джетаване шраваки (здесь дан список их имен, открываемый Шарипутрой и Маудгальяяной) не видят ни прибытия бодхисаттв, ни совершаемых ими чудес. В качестве объяснения их неспособности видеть «чудеса всех будд» приводится пространный перечень несовершенств шраваков. В этом пассаже

содержится, с одной стороны, выпад против сторонников «малой колесницы», а с другой — обоснование появления новых, махаянских канонических памятников. Создатели Типитаки, ближайшие ученики Будды и участники собора в Раджагрихе, владели лишь весьма ограниченным знанием, они не видели великой мистерии, совершающейся вокруг Татхагаты, а воспринимали лишь его земное тело, которое в «Гандавьюхе» — лишь наименьшее из проявлений его космической сущности. Они не знают ни его истинного бытия, ни его главной проповеди.

Далее следует череда сравнений, в разных образах представляющих идею зрячести и слепоты. Так, голодные духи (preta) страдают от жажды на берегу Ганги, поскольку не видят воды. Человек, среди толпы народа вошедший в состояние глубокой отрешенности, видит мир богов, но не видит окружающих его людей. Знаток трав в Гималаях видит волшебные травы, которых не видят простые охотники. Человек, изучивший драгоценные камни, видит места, где они находятся, тогда как прочие проходят мимо этого богатства. Человек с завязанными глазами на острове драгоценных камней не увидит никаких сокровищ. Тот, кто наделен «чистотой глаз» (cakṣuḥpariśuddhi) хорошо видит ночью и может в темноте ходить среди людей, которые его не заметят. Монах в состоянии медитации видит то, что не воспринимают другие. Тот, кто владеет волшебной сурьмой, может становиться невидимым для всех остальных. «Прирожденное божество» (sahajātā devatā) всю жизнь сопровождает человека, оставаясь незримым для него. Монах, полностью подчинивший свое сознание и отрешившийся от него, не воспринимает ничего происходящего вокруг. Каждая из этих картин заканчивается сравнением бодхисаттв с теми, кто видит, и шраваков с теми, кто лишен зрения.

Затем каждый из сидящих по десяти сторонам света бодхисаттв обзревает все стороны света и произносит 10 гатх (речь последнего бодхисаттвы состоит из 11 строф). Эти строфы, завершающие главу, содержат восхваление Будды, его чудес, а также бодхисаттв, которые одни и способны их увидеть. Неоднократно повторяется мысль о несовершенстве шраваков и пратьекабудд.

Выпады против «малой колесницы», занимающие столь большой объем текста, безусловно, новый элемент для вступительных глав вайпультя-сутр. «Космос махаяны», знакомый нам по предыдущим

сутрам, приобретает еще одно важное качество — недоступность для обычного восприятия. Он открыт лишь бодхисаттвам. Так фактически снимается противоречие между двумя пространственными системами: традиционной, выстроенной иерархически по вертикали, и новой, собственно махаянской, не имеющей иерархии, уравнивающей верх и низ. Пространство бесчисленных миров существует лишь для бодхисаттв; пратьекабудды, шраваки и прочие люди остаются в своем ограниченном мире, которому соответствует старое пространство сутт палийской Типитаки.

Однако главное новшество пересказанной главы не в этом. Для дальнейшего развития жанра сутры особенно важно то, чем завершается сюжет о сборе бодхисаттв. Слушатели не просто прибывают к Будде из разных сторон света, они рассказываются вокруг него в соответствии с этими направлениями. Созданная ими сферическая структура по существу является словесно выраженной мандалой, картиной космоса, центр которого — Будда, а направления обозначены символическими фигурами бодхисаттв.

Нельзя не заметить и то, что содержание «Гандавьюхи» само по себе совершенно не требует вступительной главы, характерной для вайпулья-сутр. Ведь эта сутра строится не в форме проповеди Будды — она повествует о путешествии Судханы, стремящегося к просветлению и беседующего об этом с разными людьми. Поэтому непонятно, какую цель преследует сбор слушателей вокруг Будды, который ничего не будет проповедовать. Следовательно, вступительная глава воспринималась создателями известной нам редакции «Гандавьюхи» как неотъемлемый элемент жанра: коль скоро текст претендует на статус великой сутры, он должен начинаться вступлением, имеющим каноническое построение. Это вступление сюжетно не связано с основным повествованием памятника, но в нем выражена идея, важная для потенциального читателя рассказа о Судхане: принципиальное отличие бодхисаттв от всех иных существ.

Можно предположить, что формирование такой вступительной главы в «Гандавьюхе» произошло не сразу. Первый китайский перевод, выполненный Шэн-сянем 聖堅 (佛說羅摩伽經 [СВЕТА, T0294]) в период с 388 по 408 г., многими исследователями считается частичным [Osto 2009: 166]. Действительно, в этом переводе отсутствует рассказ о первых встречах Судханы, в частности его

разговор с Манджушри, а также нет финала — возвращения к Манджушри и встречи с Самантабхадрой. Нет здесь и вступительной главы. При этом характерное для более ранних сутр вступление в версии Шэн-сяня имеется. И оно весьма сходно с началом санскритской вступительной главы. Будда в Джетаване окружен бодхисатвами и шраваками. Они совершают его почитание и думают о невозможности самостоятельно понять его. Будда понимает их мысли и погружается в медитацию Стремительность Царя-Льва (師子王奮迅). Джетавана преобразуется — в ней становятся видны все буддха-кшетры. На этом вступительная часть заканчивается, и сразу начинается повествование: «В это время отрок Судхана из восточной стороны света, ища благого познания, много странствовал». Единственная связь между вступлением и основным сюжетом выражена словами «в это время». Представляется вероятным, что в данном фрагменте текста мы имеем дело не с произвольным сокращением сутры, предпринятым переводчиком. Скорее всего, как и в случае с «Праджняпарамитой», «Ланкаватарой» и «Лалитавистарой» Фа-ху, ранняя редакция «Гандавьюхи» просто не имела вступительной главы. Впрочем, можно утверждать, что уже в начале V в. редакция с полной вступительной главой существовала, об этом свидетельствует перевод Буддхабхадры 佛馱跋陀羅 (大方廣佛華嚴經 [СВЕТА, T0278]), созданный в 420 г.

Смысловая несвязанность вступления с основным содержанием памятника во всех редакциях, а также необычность сюжета (странствие и встречи) наталкивают на предположение, что «Гандавьюха» первоначально не относилась к жанру сутры, а лишь была оформлена в качестве таковой в процессе редактирования, ранний этап которого отражен в переводе Шэн-сяня.

Некоторые из новых черт, отмеченных нами в связи с «Гандавьюхой», получают развитие во вступительной главе сутры, которая относится уже не к классической махаяне, а к ранним произведениям тантрического буддизма.

Текст вступительной главы «Татхагатагухьяки» («Гухьясамаджатантры») довольно труден для восприятия, наполнен свойственной тантризму специфической терминологией и множеством абстрактных персонажей, повествует о череде событий, разворачивающихся вне реального пространства.

Тантрический характер сутры обозначен уже в открывающем главу указании места действия: «Так я слышал. Однажды Бхагаван пребывал в лоне алмазной жены (vajrayoṣit) средоточия тела, речи и сознания всех татхагат». Будду окружали бодхисаттвы, числом «равные песчинкам гор Сумеру всех буддха-кшетр», а также столь же многочисленные татхагаты во главе с Акшобхьяваджрой, Вайрочанаваджрой, Ратнакетуваджрой, Амитаваджрой и Амогхаваджрой.

Далее следует весьма сложное по содержанию повествование, суть которого сводится к тому, что главный персонаж вступительной главы — Бхагаван, именуемый также Владыка Ваджры Тела, Речи и Сознания Всех Татхагат (sarvatathāgatakāyāvākcittavajrādhipati) и Господин Всех Татхагат (sarvatathāgatasvāmin), с помощью пяти перечисленных выше татхагат, а также татхагаты Бодхичиттаваджры создает сакральное пространство сутры.

Сначала татхагата Вайрочана, пребывая в медитации, называемой Ваджра Великой Страсти Всех Татхагат, вводит все собрание татхагат в свои тело, речь и сознание, и те татхагаты ради удовлетворения (paritoṣaṅgārtham) Бхагавана превращают себя в женщин и выходят из тела Вайрочаны.

Затем Татхагата Акшобхья «в лоне алмазной жены средоточия тела, речи и сознания всех татхагат» создает мандалу Махасамая (mahāsamaya), в центре которой помещается Бхагаван. Эта мандала становится основой дальнейшего структурирования пространства, побуждением к которому служит эпизод, связанный с двумя медитациями татхагаты Бодхичиттаваджры.

Рассказ начинается с сообщения, что пять татхагат пребывают в его сердце. Он входит в медитацию, называемую Ваджра Торжества Всех Татхагат. Все существа во всем пространстве обретают блаженство всех татхагат. Следующая медитация Бодхичиттаваджры именуется Ваджра Появления Самайи Ваджры Тела, Речи и Сознания Всех Татхагат. С помощью нее он создает «человеческий облик великого Знания» (mahāvidyāpuruṣamūrti).

Татхагаты выходят из сердца Бодхичиттаваджры, подносят ему дары и обращаются с просьбой поведать «тайну всех татхагат» (sarvatathāgataṃ guhyam). Он отказывается, сказав, что эта тайна вызывает сомнения (saṃśayakara) даже у татхагат, не говоря о бодхисат-

твах. Изумленные татхагаты прибегают к Бхагавану, устраняющему сомнения (*samsayacchettāram*).

Вняв их просьбе, он приступает к заполнению мандалы, ориентированной по сторонам света. Сначала заполняется центр. Бхагаван входит в медитацию и извлекает из тела, речи и сознания мантру, воплощающую сущность ненависти (*dveṣa*). После ее произнесения он соединяется с «великим символом» (*mahāmudrā*) татхагаты Акшобьи, и в облике, имеющем черный, белый и красный цвета, садится в центре мандалы. Далее по этой же модели заполняются четыре стороны света. Один и тот же текст повторяется еще четыре раза, варьируются лишь названия медитаций, произносимые мантры, состояния, которые они воплощают (*moha* «помрачение ума» и т.д.), имена татхагат, с чьими символами (*mudrā*) соединяется Бхагаван, сочетания цветов его облика и сами стороны света.

Далее следует серия из пяти новых медитаций. На этот раз Господин Всех Татхагат извлекает из себя жен (*mahiṣī*), каждая из которых имеет имя: *dveṣarati* — Наслаждение Ненавистью, *moharati* — Наслаждение Помрачением Ума, *iṣyūrati* — Наслаждение Завистью, *rāgarati* — Наслаждение Страстью и *vajrarati* — Наслаждение Ваджрой. Затем Бхагаван в облике каждой из этих женщин (*strīrūpadharaḥ*) занимает пять мест — в центре и по четырем углам (*koṇa*).

Следующий цикл из четырех медитаций служит для заполнения ворот. В результате каждой медитации Бхагаван извлекает из себя «великий гнев» (*mahākrodha*), персонифицированный и наделенный именем. После этого он сам в четырех разных обличьях садится в четырех воротах, ориентированных по сторонам света.

Отличия этой вступительной главы от предшествующих очевидны и бросаются в глаза. В тексте отсутствует какая-либо привязка действия к реальному географическому пространству, вместо привычных Джетаваны и Гридхракуты фигурирует лишь мистическое «лоно алмазной жены». Нет и важной для махаянских сутр оппозиции монахи (шраваки) — бодхисатвы; ее место занимает противопоставление бодхисатв и татхагат. При этом бодхисатвы лишь упоминаются в начале главы, а в развитии сюжета принимают участие только татхагаты. Слова Бодхичиттаваджры о невозможности постигнуть «тайну всех татхагат» с очевидностью

демонстрируют столь же пренебрежительное отношение к бодхисаттвам (сторонникам махаяны), какое в махаянских сутрах выразилось в адрес шраваков (в том числе ближайших учеников Будды), представлявших «малую колесницу».

Величественная картина необозримого космоса с бесконечным множеством миров (буддха-кшетр), расходящихся по всем сторонам света, забыта и сохранилась лишь в виде кратких упоминаний. Соответственно, нет в главе описания пронизывающего вселенную луча, а также рассказа о сборе слушателей, приходящих из дальних миров.

Фактически, несмотря на обилие замысловатых имен, во вступительной главе «Татхагатагухьяки» лишь одно действующее лицо — это Бхагаван, он же Владыка Ваджры Тела, Речи и Сознания Всех Татхагат или Господин Всех Татхагат. Все основные события главы предстают как порождение им с помощью череды медитаций всех прочих действующих лиц. Более того, и само пространство создается и структурируется Бхагаваном: сначала он «рассаживает себя» во все маркирующие направления точки, а затем в виде «великого гнева» у четырех ворот обозначает границы пространства. Тема «рассадки по сторонам света», которая уже в «Гандавьюхе» вызывает ассоциации с построением мандалы, в «Татхагатагухьяке» вышла на первый план. Здесь текст становится очевидным словесным образом мандалы. Эта мандала не только «вычерчивается», но и «раскрашивается» упоминанием о сочетаниях цветов в пяти обликах, сотворенных Бхагаваном. Впечатление изображения на плоскости усиливается и тем, что из списка сторон света исключены зенит и надир.

Исчезновение реального пространства, как в виде географической локализации, так и в виде космоса махаяны, в этом тексте выглядит совершенно оправданным. Все события в «Татхагатагухьяке» совершаются в пространстве медитации Бхагавана. Она — единственная реальность, единственное место действия, причина действия, а также сила, создающая всех, кто участвует в действии.

При всей новизне сюжета и картины мира вступительной главы тантрической сутры она не лишена преемственности к более старым памятникам. Так, сама медитация Будды — абсолютно канонический элемент вступительных глав. Изменилась лишь функция

и значимость этого элемента. Если в махаянских сутрах медитация была лишь одним из компонентов сюжета, здесь она стала сквозным мотивом, формирующим весь сюжет. Если раньше она служила только для охвата миров с помощью чудесного луча, то теперь она сама стала миром и тем, что его наполняет.

Мотив просьбы о проповеди (поведать тайну) знаком жанру сутры с самого начала его существования. Эпизод с обращением татхагаты к Бодхичиттаваджре после его медитации выглядит ненужным в последовательности развития событий. Но он имеет общие черты с эпизодом из «Дашабхумикасутры», в котором бодхисаттвы просили вышедшего из медитации Ваджрагарбху рассказать о «ступенях бодхисаттв». Очевидно, такая просьба воспринималась как неотъемлемый элемент жанра и должна была присутствовать в начале всякой большой сутры.

Более того, многократное воспроизведение Бхагаваном самого себя также имеет прецеденты в предшествующей традиции. Подобные образы мы уже встречали в «Ланкаватарасутре» (Равана видит множество гор, на каждой из которых находятся Будда, община и он сам) и Большой «Праджняпарамите» (будды в лотосах, заполняющих все миры). Однако смысл мотива вновь изменен. Если видение Раваны воплощало идею иллюзорности всего сущего, а будды в лотосах служили образом присутствия единого Будды во всей вселенной, то в тантрическом памятнике воспроизводящий себя Бхагаван представлен как единственный, кто наделен существованием.

В ходе проведенного исследования перед нами как будто прошла история буддизма в миниатюре: от Будды в окружении монахов на горе Гридхракуте рядом со столицей государства Магадхи до Будды в «лоне алмазной жены», порождающего из самого себя и окружающее пространство, и сидящих вокруг проповедника персонажей. Рассматривая череду вступительных глав, можно поэтапно проследить, как менялась буддийская картина мира, увиденная через ситуацию проповеди.

Эта история в конкретном материале вступительных глав представлена в виде постепенного формирования канонической структуры главы с устойчивым набором элементов. Самые ранние из этих элементов восходят к древнейшим сутрам, созданным задолго до появления махаяны — это обозначение места, упоминание

об участниках собрания и просьба о проповеди. Далее просьба о проповеди превращается в просьбу о воспроизведении вечной сутры, которую произносили все будды прошлого. Следующими по порядку возникновения элементами представляются медитация, луч, озаряющий миры, звучащий с неба голос. На этом этапе важной составляющей вступительных глав становится картина космоса с бесконечным множеством миров, а также мультипликация образа Будды, заполняющего миры. Эта картина обуславливает появление еще одного компонента сюжета — сбора слушателей. И наконец, на последнем этапе истории рассматриваемых памятников формируется мотив рассадки слушателей, по существу представляющий собой вербальную мандалу.

В различных сутрах эти компоненты могут передавать разные смыслы. В некоторых случаях они, напротив, теряют смысловое наполнение и присутствуют лишь для сохранения жанрового канона.

Выявление поэтики, лежащей в основе построения махаянских сутр, — задача для дальнейших исследований по буддийской филологии. Конечно, для выполнения такой задачи материала вступительных глав недостаточно. Однако именно они позволяют наметить основные направления этой работы, увидеть узловые проблемы, на которых необходимо сосредоточить внимание.

Библиография

Игнатович 2007 — Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы. Сутра о постижении деяний и дхармы бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость / Пер. с кит., комм., заключит. ст. А.Н. Игнатовича. М., 2007.

Aṣṭasāhasrikā Pajñāpāramitā / Ed. by P.L. Vaidya. Darbhanga, 1960. (Buddhist Sanskrit Texts. No. 4).

CBETA — CBETA (中華電子佛典協會 Chinese Buddhist Electronic Text Association) Chinese Electronic Tripitaka Collection, 2006.

Daśabhūmikasūtram / Ed. by P.L. Vaidya. Darbhanga, 1967. (Buddhist Sanskrit Texts. No. 7).

Gaṇḍavyūhasūtram / Ed. by P.L. Vaidya. Darbhanga, 2002. (Buddhist Sanskrit Texts. No. 5).

Guhyasamājatantra or Tathāgataguhyaka. First edition / Ed. by S. Bagchi; second edition / Ed. by S. Tripathi. Darbhanga, 1988. (Buddhist Sanskrit Texts. No. 9).

Laṅkāvatārasūtram / Ed. by P.L. Vaidya. Darbhanga, 1960. (Buddhist Sanskrit Texts. No. 3).

Lalitavistarāḥ. First edition / Ed. by P.L. Vaidya; second edition / Ed. by S. Tripathi. Darbhanga, 1987. (Buddhist Sanskrit Texts. No. 1).

Larger Pajñāpāramitā. In the Praise of the Light. A Critical Synoptic Edition with the Annotated Translation of Chapters 1–3 of Dharmarakṣa's Guang zan jing, being the Earliest Chinese Translation of the Larger Pajñāpāramitā. Bibliotheca Philologica et Philosophica Buddhica. Vol. VIII. Stefano Zacchetti. Tokyo, 2005.

Saddharmapuṇḍarīka / Ed. by H. Kern and Bunyiu Namjio. Delhi, 1992 (first ed. 1908–1912). (Bibliotheca Buddhica. X).

Samādhirājasūtram / Ed. by P.L. Vaidya. Darbhanga, 1961. (Buddhist Sanskrit Texts. No. 2).

Suvarṇaprabhāsaśūtram / Ed. by S. Bagchi. Darbhanga, 1967. (Buddhist Sanskrit Texts. No. 8).

Allon M. Style and Function. A study of the dominant stylistic features of the prose portions of Pāli canonical sūtra texts and their mnemonic function. Studia Philologica Buddhica. Monograph Series XII. Tokyo, 1997.

Conze E. The Prajñāpāramitā Literature. Tokyo, 1978.

Forsten A. The Second Chapter of the Laṅkāvatārasūtra. A Buddhological and Philosophical Study. Leiden, 2004.

Hodgson B.H. Essays on the Languages, Literature and Religion of Nepal and Tibet. L., 1874.

Nakamura H. Indian Buddhism. A Survey with Bibliographical Notes. Delhi, 1987 (first ed. Japan 1980).

Osto D. “Proto-tantric” Elements in The Gaṇḍavyūha-sūtra // Journal of Religious History. 2009. Vol. 33. No 2. P. 165–177.

Régey K. Philosophy in the Samādhirājasūtra. Delhi, 1990 (first ed. Warsaw, 1938).

Warder A.K. Indian Buddhism. Delhi, 2004 (first ed. Delhi, 1970).

Wayman A. The Buddhist Tantras. Light on Indo-Tibetan Esotericism. Delhi, 2005 (first ed. N.Y., 1973).